

Чэнь Чан Шэн сказал ему выбрать любое блюдо, и с точки зрения Танга Тридцать Шесть эти слова имели два значения. Его слова означали, что он может выбирать любую еду без ограничений и свободно общаться с Чэнем. Оба смысла были похожи, но всё же различались. Хотя Танг чувствовал сожаление к Чэню, он не придавал значения ценам, когда выбирал. Он схватил меню и наугад выбрал несколько особых блюд этой таверны. Первыми двумя блюдами были суп из летающего воробья и двухголовая рыба на пару. Пока Танг делал заказ, он взглянул на Чэня и заметил, что тот нахмурился. Подумав, что у того было недостаточно денег, с долей сожаления он сказал официанту: “Не надо двухголовой рыбы, смените ее на окуня, а также... Смените суп из воробья на овощной”.

Как и ожидалось, брови Чэня распрямились.

Танг Тридцать Шесть улыбнулся, думая, что он верно наблюдал за Чэнем и понял его: “И дайте мне тарелочку сливового пирога с олениной”.

Чэнь нахмурился.

Танг Тридцать Шесть взглянул на него и сказал: “Хотя нет, дайте мне тушеной свинины с консервированными овощами в соевом соусе”.

Чэнь всё еще был нахмурен.

Тангу Тридцать Шесть это не понравилось, ведь это всего лишь тарелка со свининой, которую он даже не ест дома. Почему Чэнь не хочет за это платить?

“Дайте мне тарелку корня лотоса на пару с тарелкой жареных свиных ушей!”

Чэнь всё еще сохранял лицо несогласия.

Танг был действительно раздражен: “Так как ты угощаешь других впервые, ты не понимаешь, как следует вести себя. Я промолчу”.

Чэнь Чан Шэн был немного удивлен и спросил: “Что я сделал не так?”

Его собеседник закричал: “Даже если у тебя недостаточно денег, ты не должен проявлять такое отношение к гостям. Это действительно раздражает! Мужчине могут отрубить голову, лишить его всей крови, но репутацию терять нельзя! Даже если тебе позже придется продать меховое пальто, какая разница?”

Танг подумал, что это хороший повод чему-то научить друга, но для Чэня это звучало странно.

Он спросил: “Разве это не то же самое, что давать себе пощечины, пока не распухнет лицо,

чтобы выглядеть внушительно?”

Танг был немного раздражен этим: “Что это за поговорка?”

“Это обычная поговорка с Си Нин” — Чэнь объяснил с серьезным лицом.

Танг Тридцать Шесть был ошеломлен, думая, что это было не то, что он спросил. Он был готов разозлиться, но услышал следующие слова Чэня.

“К тому же у меня нет мехового пальто”.

В комнате наступила тишина.

Танг забыл о своей злости. Вместо этого он заволновался и почувствовал жалость к этому мальчику. Он почувствовал, что Чэнь был очень жалостливым.

Он часто видел, как бедные старейшины его семьи продавали меховое пальто или робу водяного дракона в обмен на вино, но никто не говорил ему, как относиться к людям, которые даже не имели мехового пальто или робы водяного дракона. Как могут они угостить других, не теряя лица? Потому что Танг Тридцать Шесть никогда не имел проблем с деньгами и никогда не угощал других, он не знал ответа.

Он посмотрел на Чэня: “В этот раз я угощаю”.

Тот удивился и спросил: “Почему?”

Юноша посмотрел на него и сказал дружеским тоном: “Если у тебя даже нет мехового пальто, тогда у тебя, скорее всего, нет и других дорогих вещей. Потому что я не должен позволять тебе угощать себя”.

Чэнь застенялся и сказал: “Но... У меня есть деньги”.

.....

Снова наступила неловкая тишина.

Лицо Танга помрачнело: “Тогда почему, когда я выбирал, у тебя было такое лицо?”

Чэнь вспомнил предыдущую сцену и кое-что понял. Он чувствовал себя виноватым и объяснил: “Потому что... Бульон из летающего воробья, который ты выбрал, известен своей питательностью, но он слишком горячий для тела. Его хорошо употреблять осенью или зимой,

но сейчас весна, и этот суп будет вреден для твоего здоровья”.

Танг Тридцать Шесть никогда бы не подумал, что его собеседник думал о таких пустяковых мелочах и спросил: “А другая еда тоже плохая? Это же фирменные блюда таверны”.

“Двухголовая рыба живет в глубинах океана. Она питается рыбой, грибами и морскими змеями, потому в ее теле много токсинов. Если ее прокипятить, то можно есть. Даже если бы повар выбрал рыбий жир из супа, ее можно было бы есть, но приготовленные на пару вредны для здоровья. Кроме того, нас всего двое. Много мяса вредно для твоего здоровья, особенно тушеная свинина. Для ее приготовления используют свинину с прослойками, содержащую слишком много жира, потому лучше не есть ее”.

После чего Чэнь Чан Шэн добавил: “Жареные свиные уши — хорошая вещь, но соус очень вреден. Кроме того, насчет тарелки корня лотоса, если ты съешь слишком много, это навредит твоим внутренностям и сердцу, что также плохо для здоровья”.

“Стой!”

Танг больше не мог его слушать — слова Чэня были похожи на мух, летающих вокруг его ушей. Ему было неудобно. Неважно кому, но слышать так много “вредно для твоего здоровья” после заказа пищи испортит настроение. Конечно же не вся еда могла быть полезной, но кто будет обращать внимание на такие детали во время еды? И кто будет так строг к ним? Если бы Чэнь был стариком, озабоченным своим долголетием, это было бы нормально, но он был всего лишь четырнадцатилетним юношей.

“Почему ты говоришь ‘плохо для здоровья’? Ты же не умрешь, если съешь эту еду”.

Чэнь Чан Шэн серьезно ответил: “Ты не умрешь прямо сейчас, но ты точно умрешь молодым”.

Танг Тридцать Шесть не нашелся, что и ответить. Он заинтересованно спросил: “Тогда что ты обычно ешь?”

Чэнь Чан Шэн ответил: “Сто грамм мяса, лучше всего козьего или говядины, килограмм овощей, желателен дикий, немного батата и пищевых зерен, одну речную рыбку раз в два дня, хорошо если чешуйчатую, и без супа”.

Танг спросил: “И как давно ты так питаешься?”

Чэнь непринужденно ответил: “Я так питаюсь с тех самых пор, как помню себя”.

Теперь пришло время Тангу Тридцать Шесть нахмуриться.

Он почувствовал, что эта еда была невкусной, просто услышав ее название. Если бы ему действительно пришлось это есть четырнадцать лет, какой скверной была бы его жизнь?

Он понял, что почувствовал еще больше сожаления к этому мальчику.

.....

Ели они в полной тишине. Танг думал, что еда была слишком обыденной, а Чэнь — что еда была слишком вредной. В итоге у обоих были свои претензии. Конечно, они изначально не могли достигнуть компромисса, как, например, пудинг из тофу и традиционный рисовый пудинг — вкус и здоровье — всегда были тем, где точки зрения людей сталкивались друг с другом больше всего.

Первое угощение Чэня закончилось приблизительно таким образом. Были поданы две чашки чая. Оба вскользь обмолвились тем, что произошло на вступительном экзамене Небесной Академии. Танг Тридцать Шесть также поинтересовался, с чем Чэнь столкнулся в двух других школах. Он также не мог понять, как военные Чжоу могли попасть под влияние поместья Генерала, после чего им было не о чем говорить.

Типичные два друга обсуждали бы истории из детства или опыт взросления. Чэнь и Танг нашли общие интересы, но их детские истории были простыми и скучными до ужаса, потому они не смогли бы стать более близкими из-за них. Чтобы избежать неудобного момента, когда они просто будут сидеть и смотреть друг на друга, Танг Тридцать Шесть встал. Он обошел комнату, держа чашку чая, прошел из холла к балкону, а потом вернулся. Подумав, что, раз Чэнь смог снять такой большой номер у Мавзолея Книг, это показывало, что ему хватало денег, так что предыдущее недопонимание было действительно смущающим.

Проходя мимо полки в лобби, взгляд Танга неосознанно упал на один предмет — этим предметом был меч.

Он был маленьким и изящным, на вид не сильно длиннее, чем обычный кинжал, и очень тонким. Он выглядел крайне хрупким. Ножны были обычными, рукоятка тоже была простой. Изнутри и извне он выдавал ощущение обычности. Не было ничего примечательного, ни грязи, ни крови, в общем, этот меч был крайне обыкновенным, но как раз это привлекло Танга к нему.

Танг Тридцать Шесть протянул руку, чтобы схватиться за рукоятку.

Но прежде чем он смог коснуться рукоятки, рука Чэнь Чан Шэна преградила его путь и первой схватила ее.

Танг взглянул на него.

Чэнь посмотрел на него и сказал: “Это мое”.

Юноша держал чашку в руке. Из чашки выходил пар. Его лицо выглядело холодным: “И я не могу потрогать?”

Чэнь заметил его расстройство и немного забеспокоился, но всё равно настоял: “Сперва ты должен спросить меня, и если я соглашусь, ты можешь взять его”.

Танг Тридцать Шесть убрал свою правую руку и встряхнул рукавом, когда садился обратно. Он поставил чашку на стол перед собой.

Чэнь был несколько смущен, думая, что наверняка он сделал что-то не так — ладно, он не думал, что что-то сделал не так, но это был его первый друг, так что он переживал и волновался, когда увидел, что расстроил Танга. Он подошел к столу, протягивая меч.

Танг Тридцать Шесть взглянул на него снизу, не говоря ни слова.

Чэнь протянул меч еще ближе, но Танг не желал брать его и сказал: “Ведешь себя, как ребенок”.

Юноша не мог не подумать: “И кто из нас ребенок? Кто ведет себя по-детски и злится сейчас?” Он не нашелся, что сказать, и не знал, что делать. Он подошел к полке и положил меч обратно. Он вернулся и спросил: “Ты хочешь поговорить со мной о чем-то еще?”

“В столице ты единственный, кого я знаю. Услышав о твоих попытках поступления, конечно я должен был прийти и посмотреть. Не надо благодарностей, я такая дружеская и полная энтузиазма личность, — Танг Тридцать Шесть был равнодушен. — Конечно, это основывается на факте, что я восхищен тобой. Ты должен знать, что из сверстников я мало кем восхищаюсь. Ты должен гордиться”.

Чэнь Чан Шэн впал в ступор: “Тогда... Спасибо?”

“Просто спасибо достаточно?”

“Разве я не угостил тебя только что?”

Танг Тридцать Шесть встал, чтобы сравняться с ним глазами: “Я решил принять тебя моим последователем”.

Чэнь спросил: “Что ты имеешь в виду под последователем?”

Танг серьезно объяснил: “Это значит, что теперь ты можешь следовать за мной”.

Чэнь ответил: “Спасибо, но у меня есть много других вещей, которые мне надо сделать, и я не могу выделить тебе времени”.

Танг Тридцать Шесть был и вправду надменным, но чувствовал симпатию к Чэню из-за случившегося с ним, потому решил посетить его. Так как вторая сторона многого не говорила, он также не будет говорить большего. Он был несколько ошарашен: “Каких вещей? Будешь продолжать сдавать экзамены? Зачем тебе поступать в школу? В чем твоя причина настаивать на попытках?”

Юноша спросил: “Что насчет тебя? Какова твоя цель приезда в столицу?”

“Я хочу принять участие в Великом Испытании. Я хочу занять первое место” — безразлично ответил Танг.

Внезапно он вспомнил молодого феникса с юга Горы Дев. Если она вернется к испытанию...

“Я хочу занять второе место в Великом Испытании”.

Он подправил себя, но вдруг вспомнил Цю Шань Цзюня. Если и тот примет участие в этом Великом Испытании...

“Ладно, моя цель — третье место в Великом Испытании”.

После чего Танг Тридцать Шесть наконец удостоверился: “В конце концов, я хочу вписать свое имя на табличку перед Мавзолеем Книг...”

“Отличная цель, я горжусь тобой”.

Чэнь зааплодировал. Внезапно он кое-что вспомнил и спросил: “Разве тогда тебе не придется сменить имя на Танг Три?”

Танг Тридцать Шесть не знал, что и сказать. Он сменил тему и спросил: “А ты? Какова твоя цель приезда в столицу?”

Чэнь Чан Шэн честно ответил: “Я тоже хочу принять участие в Великом Испытании”.

Юноша не ожидал такого ответа, но не был удивлен.

Чэнь продолжил: “Я никогда не думал о взятии второго или третьего места”.

Танг подбодрил его: “У людей должно быть самопонимание, но они не должны терять

уверенности. Не забывай, если ты займешь одно из первых трех мест в Великом Испытании, ты сможешь попасть в Мавзолей Книг...”

Дойдя до этого момента, его голос остановился, потому что Чэнь снова заговорил.

“Я хочу занять первое место”.

Чэнь Чан Шэн взглянул на него: “Я не могу занять второе или третье, я могу только взять первое”.

Гробовая тишина.

Танг Тридцать Шесть вдруг почувствовал желание развернуться и уйти.

Он осознал, что сегодня часто оказывался в ситуации, когда ему было нечего сказать.

Потому что то, что этот ребенок делал и говорил, часто вводило людей в ступор, и они не знали, что сказать, а могли только харкать кровью.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/1222/24059>